

«Всё возможно чувственному слову...»

Предисловие о радостном открытии «неузнанных песен»

Когда человек берёт в руки гитару, я сразу внутренне съёживаюсь, потому что боюсь, что сейчас услышу два-три банальных аккорда, неумелую игру и самое главное – попытку скрыть за непрофессиональным брэнчанием безграмотный текст. Я очень настороженно отношусь к бардам и авторам-исполнителям. Сколько их таких – претенциозных «анакоретов» слоняется в поисках слушателей или, как сейчас говорят, свободных ушей. Согласитесь, за громкостью гитарных аккордов легко скрыть поэтическую бесталанность, творческую немошь и отсутствие вкуса.

Но, услышав исполнение А. С. Ананичева, я сразу успокоилась. Потом напряглась. И наконец, стала со вниманием вслушиваться в текст. Признаюсь: раньше я не читала его стихов и не слышала его песен. И потому его творчество стало для меня радостным открытием. Дома я открыла подаренную Александром книгу «Неузнанные песни» и погрузилась в его мир... Сразу скажу: в книге стихи расположены в хронологическом порядке, что очень важно для понимания творчества поэта, попытки увидеть его рост, эволюцию, движение по пути вверх или, наоборот, отметить его нисхождение. Бывает и такое.

Что-то здесь мы увидим? И хотя вначале попадались не просто традиционные, но несколько стёртые от частого употребления образы

(«светло-синий плат небесный») и неточные рифмы (нетрезвый – небесном, когда – лета), но затем они почти исчезли, стали попадаться всё более и более удачные строки, строфы, стихотворения. Некоторые строки как-то легко запоминались сразу: «Везде охотно платят палачу», «Шумел вокзал чужими поездами»; «Морем пропахшее имя твоё», «Свирепствуют на свете неправда и война»; «Нельзя твоей дотронуться руки, но всё возможно чувственному слову». Некоторые строфы хотелось повторить: «Я смотрю удивлённо и грустно окрест: / Полстраны в телогрейки одето, / На костлявых плечах – искупительный крест / За себя, за отца и за деда».

Из обративших на себя внимание стихотворений следует называть «По дороге в Америку»; любопытным показалось и стихотворение «Остановившееся время», где поэт, по сути, спорит с Гёте, противореча его знаменитой фразе «Остановись, мгновенье, ты прекрасно...». Наш поэт не приемлет этой мысли и считает, что остановившееся время несёт в себе нечто противоестественное и даже страшное: ведь в этом случае влюблённые никогда не испытают всей радости любви, несчастные невольники не познают вкус свободы и т. д. И вечность, по его мнению, останавливать ни к чему, она должна жить в любящем сердце.

По мере чтения постепенно стали вырисовываться предпочтительные автору темы, выбираемые им средства выразительности, любимые виды строф, художественные приёмы, и на всём этом фоне стало проявляться лицо поэта или скажем более корректно, характер его лирического героя. И наше внимание сосредоточилось на другом.

«Упованье на русское солнце»

Гражданская лирика

В творчестве Александра Ананичева прочное место заняла гражданская лирика, что нашло отражение в таких стихотворениях, как: «Наёмник», «Пограничная», «Ветеранам», «Дыханье войны», «Новая Голгофа» и многих других. В стихотворении «Наёмник» читаем: «И кто поссорил нас? Прибить бы эту суку, / Мечтающую только об одном, / Что мы в бою слепом когда-нибудь друг другу / Из ненависти глотки разорвём». Сейчас, когда сатанинские силы вновь сталкиваются на военной арене родственные народы, это стихотворение звучит особенно актуально. В стихотворении «Ветеранам» остро и пронзительно звучат строки, обращённые к тем, кто... не ценит подвиг ветеранов Великой Отечественной войны: «Они спасли от Гитлера Москву, / А вы её Иуде предаёте». Ужели такое возможно? Увы... Хотя ещё лет десять-пятнадцать тому назад трудно было представить подобное, но в эпоху перевёрнутых ценностей появились те, которые пытаются пересмотреть итоги и значение Великой Отечественной и Второй мировой войны. И не только пытаются, но нагло навязывают всему миру своё лживое и опасное мнение.

Актуально звучит и стихотворение «Родня», повествующее как будто бы о разногласиях в отдельно взятой семье («Развела нас лихая пора...»), но это – свидетельство раздора, отхода от исконных родовых традиций, прежде всего в обществе. Семья – лишь его маленький, но очень показательный срез. Вот как он пишет: «Под иконы нечистый пролез: / Зять – католик, свояк – экстрасенс, / У сестры – белой-белой,

как снег – / Подрастает сынок Джанибек». Да, этот разлад – отражение тех процессов, что происходят в нашем больном социуме.

Остро переживает автор и крушение Советского Союза, когда несколько человек буквально взмахом ручки перекроили огромную страну, «разодрали чернильными перьями / Золотые одежды её». Это строки из стихотворения 2007 года «Пограничный приказ», где по лирическому сюжету офицер вроде бы буднично приказывает пограничникам выступить на защиту границ родной страны, но теперь уже называемой не СССР, однако он не может называть её по-другому. Читаем: «И он выдохнул скупно и резко – / Даже вдруг приосанился весь: / “На охрану Союза Советских”. / И солдаты ответили: “Есть!”»

В ряду гражданской лирики заметно полное символика стихотворение «Мёртвый лев», где прочитывается державный образ Сталина: «Зачем вы шумите на мёртвого льва?! / От вашего ора гудит голова. / Иль время настало, трусливая рать, / Что можно уснувшего льва попинать...» И далее: «Не вой, либеральная сука, не вой! / Сберёг он страну во Второй мировой... / Чтоб ты был свободой чужой не убит, / Над родиной ядерный вывесил щит».

Александр Ананичев остро ощущает современность, не жалуется либерально-разрушительные перемены, критикует безнравственную и опустошительную роль телевидения и печатных СМИ; он видит угрозы со всех сторон и считает, что идёт война по всем направлениям – происходит расслоение народа, искажается язык, люди враждуют, общество деградирует: «Моё Отечество – во мгле. / В надёжной корчится петле. / В тугих объятиях петли / Деревни, города, кремли». В 2010 году за всей этой «скорбью чёрных лет» он порою не видел выхода, впадал в пессимизм, но душа не желала мириться с этим, и он убеждал себя:

Опять весна. И соловьи уже...
И всё вокруг душисто притомилось.
В такие дни мерещится душе,
Что ничего с Россией не случилось.

Что мы не выживаем, а живём
Под русским небом, близким и белёсым,
Чужой пастух не щёлкает кнутом
Над нами, как над жертвой безголосой...

Страдает Русь. Глаза её чумны,
А соловьи безумствуют на воле.
С восточной нет спасенья стороны,
А с западной – тем более, тем боле...

В эпоху глобализма, когда цивилизационный кризис уже разворачивается на наших глазах, когда практически с «чужого пастуха» сорваны маски, и планетарно-цифровые бури, по словам поэта, «всё живое грозят погубить», он так желает остаться честным и порядочным человеком, сохранив при этом бодрость духа, позитивный настрой, умение радоваться жизни и общение с друзьями, несмотря на то, что «так немного знакомых осталось, с кем желание есть говорить», «с кем дружить – не глухая работа, не обязанность или вина». Это строчки из стихотворения «В этом мире глобальные бури...». Дело в том, что поэт очень обеспокоен сегодняшней ситуацией полномасштабного цивилизационного кризиса, где России отведена особая роль: «То, что нынче

зовётся “Россия” – / Так же зыбко, как наша судьба». Но в любом случае он верит в счастливую судьбу Отечества, ведь им, как и всеми трезвомыслящими людьми, руководит «Упованье на русское солнце, / Что должно на Востоке взойти».

Гражданская лирика поэта многопланова, и, конечно, главное в ней – русская тема, судьба России.

«Русская дорога в поле золотом...»

Русская тема

Русская тема так или иначе прорывается в стихах А. С. Ананичева, а иногда не просто прорывается, но становится главной, задаёт тон, диктует свои правила и подчиняет авторскую волю. Это естественно для русского человека, обеспокоенного судьбой Отечества. Вот он пишет: «Тот богат, кто многого не просит, / Чьё наследство – ветер да ветла... / Русскому была бы только осень / Да с ледком из проруби вода». Да, это так, русский человек действительно многого не просит, можно сказать, он вообще ни у кого ничего не просит, зато ему много дано самой природой и судьбой – от богатого внутреннего мира и широкой, всемирной души до неохватности просторов страны.

Русская тема звучит в стихотворении «По дороге в Америку», которое будто бы повествует о другом, но вот читаем строфу-признание: «И я уже затосковал, / Когда вошёл в чужой вокзал, / Когда представил Русь на дальнем берегу... / Не встретить меня ирландка Кэт – / Ей Афанасий дорог Фет – / Вечерним рейсом я б отправился в Москву». В стихотворении «Русские реки» он снова признавался: «Пусть на месяц, край смиренный, / Мы расстанемся в тоске, / Не могу я с рыжей Сеной / Изменить своей Оке!». В стихотворении «Осеннее утро» – та же тема и строки, продиктованные не только минутным порывом, но глубинным чувством любви к Родине: «Где-то колокол вздрогнул и замер опять. / И, восторгу душевному внемля, / Я хочу целовать, целовать, целовать / Эту влажную кроткую землю!», ведь именно здесь «росла и причащалась светом родины душа». В другом стихотворении читаем:

Ничего, ничего... Это даже не ново,
Что Россия, как остров, уходит опять из-под ног,
Что под спудом лежит вековечное русское слово
И родную страну золотой охмуряет божок.

Развивая тему, в 2014 году в стихотворении «Россия – это мы», он напишет: «Травинкой быть её – награда. / Чужих не надо стран окрест... / Россия – боль, восторг, отрада, / Россия – кровь, Россия – крест». Таким образом, русский путь видится поэту не только величественным и героическим, но и полным боли, крови, трагедий, общенационального горя; он не закрывает глаза на народные беды, что случались на протяжении многовековой истории Руси-России, не становится в позу пафосного пророка, он просто чувствует себя крохотной частицей Родины. И поистине судьбоносным выводом звучат сказанные о самом себе слова в стихотворении «Доля»: «Я от судьбы не убегу, / Я русским уродился – / Красиво умереть могу, / А жить не научился». Только и воскликнешь после этого: вот это да! Но ведь именно так о себе самом в нашей стране может сказать почти каждый,

да-да, почти каждый, кто чувствует в себе русскую душу. И между прочим, это относится не только к собственно русским людям. Русским может быть человек любой национальности, если он несёт в своей душе свет.

Нельзя не сказать об исторических мотивах в творчестве А. С. Ананичева, что само по себе становится отдельной темой. Они звучат в стихотворениях «Патриарх Никон», «Карфаген», «Понтифик», «Крестоносец», «Жанна д'Арк» и других. Но эта тема заслуживает отдельного разговора, мы же лишь упомянули её, наметив вектор для дальнейших исследований. Иногда исторические коллизии связаны с русской историей и собственно русской темой, которую даже нельзя назвать магистральной в творчестве А. С. Ананичева, она просто органично «живёт» на его страницах и раскрывается им даже тогда, когда этого не ожидаешь. Просто русскость – это его естество, данность, природная суть. Как он верно заметил: «И в раю приснится, в Царствии Небесном / Русская дорога в поле золотом».

«Сразу набело слагаю»

Тема поэта и поэзии

Любое литературоведческое исследование лучше всего начинать с тематического обзора, в этом случае сразу становится ясно, что поэту важнее всего, чем он живёт и дышит, куда стремится.

Любопытно решается А. С. Ананичевым тема поэта и поэзии, по крайней мере, в стихотворении «Провинциальный поэт» он тонко подмечает, что «поэты из русских провинций умирать приходили в Москву». Всё так, всё так, хочется согласиться с автором этих строк. Кабы оставались русские поэты в своих городах и весях согласно половице «где родился, там и пригодился», так, может, жили бы и здравствовали дольше, а не становились жертвами врагов, завистников и заложниками заговоров, интриг, странных обстоятельств. Как писал С. А. Есенин в стихотворении «Письмо от матери»: «Мне страх не нравится, / Что ты поэт, / Что ты сдружился / С славою плохою. / Гораздо лучше б / С малых лет / Ходил ты в поле за сохой». Но они стремились в город и прежде всего в столицы, причём, не столько за славой, сколько за возможностями и, получая эти возможности, платили за них высокой ценой – своей жизнью. А здесь их во все времена поджидали те, кому не по нраву был их яркий талант. Как писал Вячеслав Богданов: «Не страшен, Русь, тебе Наполеон, / Страшней они – заезжие Дантесы!..» В самом деле: что ни поэт, то жертва города. Вот сейчас навскидку назовём имена: Сергей Клычков, Алексей Ганин, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Борис Корнилов, Николай Рубцов, Алексей Еранцев, Алексей Прасолов... Что тут скажешь? Много претерпела наша многострадальная русская муза.

В стихотворении «Разговор» как бы случайно вновь возникает тема поэта и поэзии – в разговоре с попутчиком в поезде, убеждающим лирического героя в том, что в поэте обязательно должна быть некая «червоточина», изъян, огрех, порок. Хватив водки, он наставляет: «Пей вино столичных улиц, / Расколи орех греха! / Лишь внутри подгнивших устриц / Прорастают жемчуга». И даже замечает, что «Путь змеится к прочной славе / По отравленным цветам» и вспоминает при этом Верлена, Рембо.

Что мы на это скажем? Мы скажем, что давно по горло сыты этими поэтическими «червоточинами» и, вспоминая историю литературы, можно схватиться от них за голову: один стихоплёт пил, другой буянил, третий бил морды, четвёртый был кокаинистом, пятый – морфинистом, шестой посещал «клуб гашишистов», седьмой вызывал дьявола, восьмой с упоением строчил доносы, а девятый участвовал в расстрелах. Даже известные, знаменитые авторы не избежали каких-либо пороков: А. Н. Вергинский употреблял наркотики; М. А. Булгаков, будучи врачом, колол себе морфий; Н. С. Гумилёв на оккультных сеансах вызывал дьявола; М. И. Цветаева крутила роман с женщиной; А. А. Ахматова гордилась тем, что в её околоключичную ямку помещается полный бокал шампанского.

Особенно это касается представителей Серебряного века, считавших русскую культуру своей принадлежностью, почти не зависящей от народа, не задумываясь о том, что корни каждого из них – в глубокой древности – в гуще того самого народа, который они так презирали, всячески открещиваясь от него, а себя называя «белой костью». А между тем эта «белая кость» не всегда наживала и преумножала накопленное предками добро, случалось, что она проматывала целые состояния, пропивала имения, влезала в долги, проигрывалась на бирже или в карты. А ещё она организовывала тайные общества, составляла антиправительственные манифесты, не брезговала доносами, устраивала революционные перевороты, инициировала убийства коронованных особ. При этом она носила заграничные туалеты, выписывала суп из Парижа, разговаривала с французским прононсом, нанимала иностранных губернёров и очень гордилась тем, что её чада начинают говорить сначала на иностранном и лишь потом – на русском языке.

Не то же и сейчас происходит? И до коих пор «инженеры человеческих душ» будут столь безнравственными, эпатажными, агрессивными, склонными к мистицизму и бесовщине? Так что мы этими «червоточинами» сыты. К тому же, у нас есть иные ориентиры, когда поэт – образец человека совершенного. Вот и литературный герой Александра Ананичева не соглашается со своим попутчиком и говорит ему: «Что ж ты славилшь тень от солнца? / Тень – вторична и зыбка».

Замечательно подаётся данная тема и в стихотворении «Поэт», посвящённом азербайджанскому поэту Годже Халиду: «Чуть заметно виски седина замела, / Но глаза озорные сияют. / Никогда он дороги родного села / На асфальт городской не сменяет». И здесь же – о сути поэтического творчества: «Города – это проза, деревня – стихи...» Любопытная тонкость, и хотя она, конечно, оспорима, но таким образом А. С. Ананичев противопоставляет два рода литературы. Безусловно, он имеет в виду изматывающую суетность, вечную занятость и деловую спешку города, что не располагает к медитативности и лирической напевности. Точно так же для него очевиден лиризм деревенской жизни, несмотря на то что она связана с тяжёлым физическим трудом, и всё же человек здесь более близок к матушке-природе и далёк от городской прозаической суетности. И кстати сказать, тема поэта и поэзии здесь органично смыкается с темой города и деревни. Вот как звучит вся строфа: «Разве город цветёт, как цветут Шамахи, / И дробит ледяные потоки? / Города – это проза, деревня – стихи – / Лопухом шелестит у дороги...»

В аспекте рассматриваемой темы привлекают и следующие строки из стихотворения «Набело»:

Я ночью умирать привык,
А утром – снова запрягаю,
Ведь я пишу не черновик,
Я сразу набело слагаю.

Эти рассуждения о собственной жизни и судьбе вызвали в памяти стихи других поэтов. Во-первых, хочется провести параллель со строками Николая Тряпкина: «Сколько раз ложились помирать / Да со злости вскакивали снова!» Во-вторых, вспомнились строки Николая Рубцова: «Мне спать велят чистовики, / Встать – черновики». И почему-то явственно прозвучала строфа Риммы Казаковой: «Это выдумка – избыток, / запасные ходы – ложь! / Жизнь – не спорт, и не с попыток – / сразу набело живёшь».

Вот так выплыли откуда-то из глубин памяти, из кладовой подсознания строчки таких разных поэтов. Почему? Реминисценция ли это? Или просто близость душ? Бог весть, но таково, видимо, ассоциативное восприятие лирики Александра Ананичева. И лирики вообще, потому что вся она держится на полутонах, незримых нитях и связана тончайшими струнами эфира. И откуда нам знать, какая строчка поколеблет ноосферу и вызовет к жизни другую или даже породит целое стихотворение. Тайнство сие велико и неспешно...

Пожалуй, ярче всего тема поэта и поэзии прозвучала в стихотворении «Памятка сочинителю», ведь спрос с поэта слишком высок, он всегда, по мнению автора, должен помнить, что на него взирают лики великих:

Когда стихи захочешь сочинять –
Стихи, а не пустые побрякушки –
Представь, что их сумеют прочесть
Вергилий, Данте, Гёте или Пушкин.

И последняя строфа звучит ещё более пафосно и требовательно:

Когда стихи захочешь сочинять
В своей глуши, мечтатель одинокий,
Представь, что их сумеют прочесть
У алтаря небесные пророки.

«Стану вам и царём, и слугой...»

Тема любви и женские образы

Одна из основных тем поэта – любовь и связанный с ней образ женщины. Как известно, тема любви – одна из наиболее сложных, ведь здесь легко соскользнуть в банальность или сентиментальность, лживый пафос или слезливость; здесь всегда есть опасность заговорить штампами и таким образом потерять своё лицо, утратить индивидуальность и занять место в длинной веренице версификаторов. Сколько мы знаем подобных псевдостихов, где поют или не поют соловьи, цветут или увядают розы, совершаются разного рода признания, происходят драмы, складываются любовные треугольники... Где персонажи любят, расстаются, встречаются, изменяют, уходят, возвращаются, мечтают, выясняют отношения и т. д. Сколько мы слышали дамского чириканья по этому поводу и сколько читали мужской чепухи, основ-

ной мотив которой – преклонение перед женскими прелестями, а слышится, мы слышали и стенания, смоченные скупой мужской слезой... Стоит ли ворошить?

Здесь гораздо труднее выбрать верный тон, найти искренние и единственно правильные слова, даже если эти слова продиктованы искренними чувствами.

Как же звучит тема любви в творчестве А. С. Ананичева – свежо или банально? Почти с испугом читали мы стихи на эту тему – «Случилось так...», «Ваша загадка», «Темна вода реки небыстрой...» И какое счастье, что в его стихах нет этих обветшалых штампов и есть оригинальные строфы, демонстрирующие отношение поэта и его лирического героя к женщине. У неё волосы, «пахнувшие полем», а руки «пахнут цветами мая»; в глазах – «огонь молчаливый и страстный»; имя её «думяно, как розовый куст», кроткая улыбка согревает мир, и вся она «из тонкого соткана света» – загадка и тайна. Он может быть женщиной окрылён, шептать её имя, «не скрывая восторга» и даже беречь в памяти «шорох ресниц». Она – ясноглазая, чувственная, манящая, желанная, неторопливая, ненаглядная, «светлая, ранняя», она одновременно – гибель и воскресение.

Ты женщина – и всё в тебя вплелось:
И мудрость мира, и дыханье роз,
И вера неземная в невозможность,
И мягкая кошачья осторожность.

Кстати сказать, поэт всегда очень тонко, часто – аллитерированно обыгрывает женские имена – Анна, Джамиля, Елена, Лейла, Сона', Ольга, Марина, Лидия, Ксения, Анастасия, Айян, Татьяна. Не будем голословными, приведём примеры:

«Несказанная боль, несказанна... / Твоё имя весеннее Анна».

«Что тебе ночами снится, / Азиатская царица? – / Над рекою шумной птица, / Золотые тополя? / Здесь – ни воли, ни верблюда... / Убежим давай отсюда! / Я твоим джигитом буду, / Джамиля!»

«Думаю, вы приняли бы смело / В тот же вечер сочинять стихи, / Если б вам застенчивая Лейла, / Улыбнулась Лейла из Шеки» (здесь, кстати, мы явно слышим ритмические отголоски есенинских «Персидских мотивов»).

«Во рту твоё имя – как сладкая долька. / Не знаю – как долго с тобою и сколько. / Обнять тебя нынче покрепче позволь-ка, / Ольга...» (акцентирован сонорный звук -л-, в двух стихах он встречается шесть раз).

«Темна и старинна / Земная печаль. / В морскую Марина / Зовёт меня даль»] (несколько тяжеловата инверсия, но это – издержки версификации).

«Ступая по краю, / Ступая на ощупь, / Я имя склоняю / И денно, и ночью. // С ним я не умру. / Печаль – по колено, / Когда на ветру / Окликаю: “Елена...”»

«Лида, Лида моя, Лидия'! / Не по мне ли в церквях лития?» (здесь намеренно изменено ударение в имени Лидия, но в данном случае это не только стилистически уместно, но даже привносит дополнительный образный штрих).

«Звёздная сень над моей головой. / Ксения с кем? Я не знаю. Со мной / Сон. От него нет спасения – / Ксения, Ксения, Ксения...» (стилизованный аллитерационный акцент на свистящих звуках: «з» и «с»).

«Настя, Настенька, Анастасия, / Опалю тебя рифмой "Россия"») (великолепна и рифма и сам образ);

«Ай, ай, любезная Айя» (а здесь что? – ассонанс, основанный на повторении слога -ай-, так называемая самоценная выразительность? Видимо, да).

«Чай с Татьяною пьём в Дубках. / А Татьяна такая... – ах!»

А какова сама любовь в понимании А. С. Ананичева? – «Боль смертельная», «мучительный яд», «гремучее зелье», «сладкая тревога», «бездна великая», напасть, «влага пьянящая». Это всё ипостаси любви, намеченные лишь в одном стихотворении «Как сердце немислимо ноет в груди...»

А какая любовь нужна лирическому герою?

Доскажу, докричу, доворкую,
Стану вам и царём, и слугой!
Я ищу непременно такую,
Я погибну с нормальной другой.

Вот в какой любви нуждается он – не простой, не обыденной, а возвышенной и парящей, и женщина ему необходима с тайной в душе, которая и сама, возможно, может стать и царицей, и служанкой, но только не кухонной бабёшкой, не скучной и опустившейся домохозяйкой, хлопочущей о земных делах и бытовых нуждах, а сочетающей в себе возвышенность образа и умение быть заботливой. Конечно, бытовые нужды никто не отменял, но даже к ним можно относиться вдохновенно и творчески.

Отметим, что подобное отношение к женщине не ново, более того, оно традиционно, ведь женщина испокон веков в славянской культуре была в ореоле возвышенной чистоты и красоты, она – носительница гармонии и созидательного начала, своим присутствием на земле она преобразует мир, делает его прекрасным и приглашает мужчину следовать этим высоким принципам. Она – водительница народа, идейная вдохновительница и источник внутренней силы мужчины.

Образ женщины несёт в себе миротворческий и миропреобразующий смысл, призванный, если хотите, выполнять (буквально – с первых дней творения) натурфилософскую сверхзадачу. В невообразимой глубине веков её образ смыкается с Ладой-матушкой, Богородицей, покровительницей и заступницей человечества, защищающей его своим спасительным покровом. Именно таково было место женщины в русской народной традиции, её функция заключалась не только в материнстве, воспитании детей и заботе о сохранении очага, она становилась неким идеалом человека, вобравшей в себя все лучшие черты и качества. Неслучайно устное народное творчество донесло нам этот идеал в образе прекрасной и мудрой Василисы Премудрой, Василисы Прекрасной и т. д. Она – символ душевной чистоты и целомудрия, целеустремлённости и трудолюбия, стойкости и верности, поэтично называемой лебединой, то есть тех морально-этических норм, которые во все века были почитаемы и ложились в основу базовых нравственных идеалов народа». Александр Ананичев подсознательно, генетически относится к женщине именно так, основываясь на этих базовых идеалах и представлениях.

О светлом чувстве любви повествует стихотворение «У меня есть ты...»: «Дышат в полумгле камни площадей, / Дремлют на реке баржи

и мосты. / Тихо и светло на душе моей – / У меня есть всё, у меня есть ты». Об этом трепетном чувстве и стихотворение «Метель», вот первая строфа: «Лишь только о тебе я в сумерках подумал – / В углу затрепетал лампадный огонёк... / И в горницу мою, наделав много шума, / Строптивая метель шагнула на порог». В стихотворении «Ночь» – странная картина... странной то ли ярчайшей любви, то ли неожиданной страсти, то ли неоправданного греха... «Орали петухи, как бешеные гунны, / Расплавилась луна в окошке добела. / Не знаю – почему я ночью той не умер, / Не знаю – почему и ты не умерла». Глубоко чувственно и стихотворение «Тополиный обрушился снег...», вот лишь одна строфа: «Думал, дни – словно дым по реке, / Отлетят, как послушные числа... / Я не знал – без тебя вдалеке / И дышать нет особого смысла».

Где любовь, там и нелюбовь, которые часто рядом. Вот и стихотворение «Не люблю» – об этом: «Я не знаю, с чего мне начать разговор. / Я дышу в телефон, будто пойманный вор. / Я давно эти силы по капле коплю, / Чтобы тихо сказать: “Я тебя не люблю...”»

Как видим, женщина вызывает в душе поэта и его лирического героя разные чувства; о любовных переживаниях и такие стихотворения, как «Великолукская охотница», где замечательно обыграно название города Великие Луки и образ любимой – охотницы, чья «стрела растревожила сердце». Да, женщина для поэта – источник вдохновения, а без вдохновения он – не жилец. Даже если не возникает чувства любви, его словно обжигает её страсть («Горянка», «Ураза» и другие.). Вот строки из стихотворения «Ураза»: «Был сентябрь. Ураза. В дагестанский Гуниб / Я вошёл в дни молитв и поста. / Но, увидев её, понял я, что погиб, / Точно путник, скользнувший с моста».

Самые разные женщины увлекали его лирических персонажей – красотой, умом, статью, таинственностью, загадочностью, нездешностью. Он готов ко встрече с женщиной всегда, в любую минуту. «Но нет тревоги и испуга, / Сомненья отцвели – / Мы на краю весны друг друга / Нечаянно нашли». Удивительное время обозначено здесь поэтом – «на краю весны». То ли это на излёте юности, то ли просто накануне лета, вот и думай... Как бы то ни было, образ остаётся в памяти.

Сказать, что любовь в творчестве А. С. Ананичева драматична – не сказать ничего. В его восприятии, с одной стороны, она – безусловное счастье, но с другой стороны, она всегда с оттенком острых переживаний, метаний, блужданий, поисков. В стихотворении «Две любви» он пишет о запретной любви, которая, по его мнению, всегда обманет, оставив в душе пустоту, тревогу, беспокойство, тяжёлые сны и мучительные ощущения. И только единственная любимая женщина может принести настоящее счастье. «Лишь в её любви незаходящей / Жажду утолишь свою всегда. / Это только кажется, что слаще / Из чужого кладезя вода».

Драматизм любовных переживаний отражён в лексике и в различных психологических оттенках этого чувства, это так. Остаётся добавить, что после прочтения книги у нас сложилось понимание, что любовь для поэта может быть «запретным чувством», «земным огнём» и даже «высшим откликом душевным», одно из его стихотворений так и называется «Бывает разною любовь», где роскошным аккордом звучит заключительная строфа: «С какой из них глаза сомкнём, / Почувяв жизни скоротечность? / Чьё имя тихо назовём, / Когда в лицо ударит вечность...». Он горячо желает (да, наверное, как и всякий человек) любви как чуда и, кажется, жить без неё ему невероятно трудно.

О некоторых художественных особенностях

По мере того, как мы читали сборник «Неузнанные песни», стихи потихоньку менялись, они словно набирали силу, вес, полноту звучания. Мы уже сказали о том, что в книге представлены стихотворения в хронологическом порядке, что позволяет увидеть качественные изменения, определившуюся творческую манеру автора, тот путь, по которому он идёт, направление его идейных поисков.

А теперь самое время сказать о художественных особенностях лирики А. С. Ананичева, его стилистике, предпочтительных стихотворных формах, лексике. Сразу обратила на себя внимание его строфика, ведь автор использует не только любимый всеми и наиболее часто встречающийся катрен, но и двустистишие, шестистишие, восьмистишие. Но, как показалось, наиболее любимая строфа у поэта – шестистишие, она использована в таких стихотворениях, как: «А у графа у Толстого», «Цепи атамана», «По дороге в Америку», «Старшина», «Жанна д'Арк», «Остановившееся время», «Судьба», «Австрийский пограничник», «Кувшин цивилизаций», «Весна», «Анна», «Святой Пантелеймон», «Моё море продрогло до дна...»

О музыкальности хочется сказать особо, так как многие стихи А. С. Ананичева очень мелодичны, а некоторые словно выпеваются: «Супруги» («Есть слово “супруги” – / Как ладан пахуче. / Легки и упруги / Поводья созвучий»); «Цепи атамана» («Против пенной волны / Наши вышли челны, / Удалым атаманом ведомые. / Он лишь саблей взмахнёт – / И гроза полыхнёт, / И туманы ложатся бедовые»); «Метель» («Я дверь перекрещу, снега повыметаю, / Устало упаду на жёсткую кровать... / В кромешном феврале, в черёмуховом мае / Как научиться мне тебя не вспоминать?!»); «Ночь» («В саду цвела сирень, в лугах река дымила, / И ночь была, как сон – прозрачна и тиха...») и другие.

Конечно, надо сказать о поэтических образах, которые весьма ярки. Приведём лишь наиболее привлекшие внимание и запомнившиеся: «Тихо с вечностью шепчется плёс»]; «Гималаи смеживают веки»; «времени раздвоенное жало»]; «вызвенит в розовый бубен восход». Вот удивительная строфа:

Сказочно вокруг дремлют Гималаи,
Зеленеет шумная река.
Медленно плывут в сторону Китая
Свитые в тюрбаны облака.

Никого, конечно, не удивят дремлющие Гималаи, а вот «свитые в тюрбаны облака» запоминаются. А вот как он воспринимает... обыкновенный телевизор: «В углу, где место для икон, / Бельмом своим мерцает он». И сразу становится понятным отношение автора к СМИ с их развлекательно-пустой и оболванивающей направленностью.

Образность создаётся благодаря многим способам и средствам, в том числе и с помощью эпитетов. Они у поэта интересные, заставляющие задуматься: *застывший ельник, червонные закаты, солнце ничьё, ленивое лето, кленовое имя, солнце раскованное*. А некоторые – и вовсе удивительные, глубокие, ассоциативные: *восторженные ветры, туманы бедовые, небесные стога, лунный коготок, горячая трава, душиные ожерелья*.

Не менее ярки у поэта сравнения: «река блестит, как мой потёртый шарф», «карагач – как многорукий Шива», а у женщины «шелестят смоляные ресницы, / Словно книги нетленной страницы». Но поразило нас следующее сравнение: «тюльпаны, как раны на склонах» («Чайки над Элистой»). Никогда не думала, что тюльпаны можно сравнивать с ранами, подобное даже не приходило в голову, потому что вид этих удивительных цветов вызывает только положительные эмоции. Родившись и выросши в туркменском краю, у нас была возможность любоваться цветущими предгорьями и пустыней, ранней весной похожими на сказочную декорацию, поскольку здесь словно разливалось море тюльпанов и маков. Но почему у А. С. Ананичева тюльпаны, эти царственные цветы, которыми можно только любоваться и восторгаться, вызвали такие чувства? Всё объяснимо: это странное и даже в чём-то пугающе сравнение подчёркивает драматический и неоднозначный характер исторических событий 1944 года, связанных с высылкой калмыцкого населения с мест их проживания.

Не игнорирует А. С. Ананичев и повторы, как лексические, так и синтаксические. Использует он градацию: «*Доскажу, докричу, доворкую*». Или: «*Расслоит, замучает, иссушит, / Умертвит чарующая ложь*». Или: «*И такая под сенью ресниц глубина – / Не найдёшь, не качнёшь, не нащупаешь дна*». Или: «*Любовь! Пред любовью гранит истлевает, / На ней, на одной весь мир стоит, / Любовь, которая всё прощает, / Верит, надеется, животворит*».

А вот звукопись он использует не так часто, хотя аллитерация у него встречается: «Росы. Радость. Радонежье»; создаётся ощущение, что поэт сосредоточил своё внимание более на содержании, нежели форме, хотя владение художественными приёмами всегда свидетельствует о свободном владении словом и зрелом мастерстве, разумеется, если это не становится самоцелью.

Встретилось нам и нечто, похожее на оксюморон – «удалое бессилье» в стихотворении «На закат»: «Ночь за нашей спиной, ночь раскинула синие крылья. / В небесах ощутишь всё своё удалое бессилье».

Какова лексика поэта, чем она запоминается? Иногда встречаются архаизмы: *други, ветр* и т. д. В стихотворении «Запрещённая весна» встретилось интересное слово *заособь*, которое ныне используют мало: «*Заособь нас, Господи, от нехристей, / Иль к себе откликни поскорей*». Вот довольно редкое слово *фелук, фелюка, фелюга* – небольшое палубное судно с парусами в форме треугольника: «*Одиноких фелук не видеть – / Широка приутихшая гладь*».

Но чаще мы видим у него экзотизмы, видимо, любовь к путешествиям порождает и пристрастие к подобным словам, создавая тот самый колорит дальних стран. При этом он использует определённую тональность, характерный звуковой рисунок, подобное мы находим в стихотворениях «Багдадский эвкалипт», «Упрямый дервиш» и другие. А вот и сами экзотизмы: «“Что, *домулло*?” – А вокруг – никого». *Домулло* – учитель медресе; учитель духовной школы на востоке. «*Катит Тигр свои быстрые волны, / А мизмар одиноко звучит*». *Мизмар* – арабский музыкальный инструмент. «*И в краю, где Всевышним согретый, / Цвёл когда-то потерянный рай, / Разметали чужие ракеты / Курпачи, балдахины и чай*». *Курпача* – узбекский матрац; стёганое одеяло на Востоке.

«Жить нужно ярко...» Об общем характере лирики

Есть у автора интересное стихотворение «Солнце Кемера», написанное в Турции. Читаем: «А где-то глухое кричащее горе / Бредёт по просторам туманным и синим. / А здесь, где живу, – только горы да море, / Да в окна стучат на ветру апельсины». И далее: «И можно как будто откусывать воздух, / Пропитанный солью, цветами и маем, / И долго смотреть на зелёные звёзды, / Что в небе высоком горят, не мигая». Всё, казалось бы, хорошо в жизни лирического героя, да и что ещё надо, если есть море, простор, синь небес, теплынь, апельсиновое изобилие, но что-то с ним не так, что-то его гнетёт. Читаем третью строфу: «Но я не ищу средиземного лета! / Как быстро меня утомила чужбина... / И день ото дня с высоты минарета / Всё тягостней ранняя песнь муэдзина». Всё оказывается просто: как бы ни хороша была заморская сторона, она останется чужбиной. Одним словом, как сказал когда-то С. А. Есенин: «Как бы ни был красив Шираз, / Он не лучше рязанских раздолий». Вот и наш автор думает и чувствует точно так же: «В Россию, в Россию – нет удержу больше! / Туда, где опять и ненастно, и серо, / Где дышится глубже, где слаще и горше, / Я солнца ломать прихвачу из Кемера».

Нам понятны чувства героя, мы вслед за ним можем повторить эти слова. Всё так, тем не менее мятежность его, неуспокоенность, тревожность кажутся временными, преходящими. И думается, главное здесь сказано – в строчке «пропитанный маем». Думается, строчка эта не случайная, ведь поэт и родился в мае, потому-то он и пропитан им насквозь.

Разное говорят и пишут о месяце мае, происхождении и толковании его названия, но не будем сейчас об этом. Разное пишут и о слове *майя*, на слуху у всех его трактовка как «иллюзия». Ничего не утверждая с абсолютной достоверностью, заметим, что первоначально майя означало творящую силу Вселенной, созидательную энергию Творца, и лишь позднее слово приобрело значение «иллюзия, обман». Приведём две небольшие цитаты: «Слово *майя* имеет многовековую историю, и первоначально означало магическую силу сотворения. Майей в древнем Риме звали богиню Природы, которой присуще творческое начало. Слово это не просто сохранилось до наших дней, оно дошло до нас в названии весеннего месяца, которому как раз характерно бурное цветение, рост и творческая активность. Дошло оно и в виде женского имени, и как бы словари ни пытались представить его заимствованным из греческого языка, мы можем смело утверждать, что оно восходит к славяно-арийским корням. Кроме того, этим словом был назван целый народ, культура которого уникальна»¹.

И ещё одна цитата: «*Май (майя)* – название месяца, происходит от ведического понятия “майя” – колдовская сила асур (несолнечных богов), живших в докосмическом хаосе. “Майя” – воплощение бесконечности, несвязанности, безграничности, мощного притяжения-отталкивания, притяжения-втягивания и напора космоса. Проникая в наш мир (например, в виде буйства майской растительности, плодovitости животных, силы и непредсказуемости стихий; в виде метеоритов и т. д.),

¹ Рыжкова Л. В., Гришина Е. Н. Словарь фольклорно-мифологический. – Москва: «Самотёка», МИД «Осознание», 2022.

“майя” даёт понятие об иллюзии измерения, разделения, классификации, сортировки и проч. В ведах “колдовская сила майя”: всепроникновение, всевидение, всеслышание, всепонимание, всезнание, принадлежность к трём мирам: небесному, земному и подземному, волшебные превращения, перевоплощения и проч. Славяне и балты праздновали майя в ночь на 1–2 мая и весь день 2 мая, отмечая его гуляниями на природе, это был праздник связи Земли с мощными космическими силами, праздник единения; срубленные молодые деревца (чаще берёзки) и ветки, которыми украшали дома в это время, называли “майями”»¹.

И позволим себе такую авторскую вольность – в качестве иллюстрации этой мысли приведём своё стихотворение 2015 года «Майя мая»:

Мне снился сон – о древности был сон,
о времени без ада и без рая,
когда и Космос был не сотворён,
но в нём уже таилась сила – *майя*.

Творящая энергия Творца
раскрыла вдруг мечтательные крылья,
и Мир родился – волею Отца,
любовью и желаньем, без усилья.

И Хаос, что бесформен был и слеп,
отныне стал порядковым явлением.
И кажется, что сам вопрос нелеп
что было в мире с миром до рожденья?

А просто в мире не было любви
и не было огня отцовской веры,
но он сказал тому огню: живи
и согревай космические сферы.

Вселенская живая теплота
вдруг разлилась по хаосу волнами,
и вся досель немая пустота
заполнилась несчётными мирами.

И вот из уст в уста, из края в край
слагаться стало дивное преданье,
и даже наречён был месяц – *май*,
чтоб помнил мир о животворной *майе*.

Несмотря на все метания, в душе поэта живёт солнце. Ведь он прекрасно понимает, что судьба человеческая не пустяк, что жизнь даже одного человека необыкновенно важна для Вселенной. Он так и пишет:

Жить нужно ярко и любя
Всё то, что дух людей возвысит.
От одного, представь, тебя
Судьба Вселенной всей зависит.

¹ Баженова А. И. Легенды и боги древних славян. [Электронный ресурс]. URL: <http://iknigi.net/avtor-aleksandra-bazhenova/75327-legendy-i-bogi-drevnih-slavyan-aleksandra-bazhenova/read/page-1.html> (дата обращения: 12.12.2018).

А теперь о том, что меня по-хорошему удивило. Обратимся к стихотворению «Кувшин цивилизаций», процитируем сначала две строфы.

Карагач – как многорукий Шива,
Иступлённо пляшет у обрыва,
Изумрудом трепетным звеня...
Ледяным увенчаны алмазом,
Горы спят над пенистым Беасом,
Горы дремлют в половине дня.

Гималаи смеживают веки:
Арии им грезятся и греки,
Бойкий цок Бабуровых копыт...
Все, как мёд, повытекли отсюда.
«Есть ли Бог, невозмутимый Будда?»
Будда улыбается, молчит.

Здесь удивляет всё – музыкальность строфы, красота рифмы (алмазом – Беасом), образы и сравнения. Чего стоит одна лишь строка – «времени раздвоенное жало», что встречается в последней строфе. Прочитируем её:

Сколько здесь столетий ночевало!
Времени раздвоенное жало
Скрылось у феллаха¹ в рукаве.
В гору мимо кедров и акаций
Бережно кувшин цивилизаций
Индия несёт на голове.

Заключительные строки – это уже заявка на очень высокий уровень. Не побоюсь сказать – уровень Н. А. Заболоцкого – та же мощь, тот же масштаб. Сказанное вовсе не значит, что таких прорывов в поэтическую ноосферу у А. С. Ананичева много, и мы не собираемся расхваливать его почём зря, нет, конечно. Но что есть – то есть. Точно так же, кстати, видим мы и огрехи, а они, увы, есть. Даже в зрелых стихах появляются неточные рифмы; не всегда удачны бывают инверсии: «Мне бы только по волнам жемчужной / Плыть твоей беспокойной души». Так и хочется переиначить эту строчку, построив её по-русски. Понятно, что инверсия здесь продиктована необходимостью соблюсти ритм и рифму. Понятно и то, что неправильный порядок слов – частое явление в поэзии, но инверсия инверсии – рознь, иногда она не просто уместна, но даже красива. Здесь же мы видим прямо-таки выламывание языка. Заметим, что эти наши замечания никоим образом не умаляют художественной ценности стихов Александра Ананичева, а может быть, напротив, позволяют её подчеркнуть. Да и взгляд со стороны бывает весьма полезен господам сочинителям.

А теперь скажем несколько слов о тональности и общем характере лирики А. С. Ананичева, а характер этот бывает и упадочнический. Его стихи часто представляют собой наблюдения за жизнью, а какова она – таковы и рождаемые строки, и с этим ничего не поделаешь. Прятать голову в песок и делать вид, что «всё хорошо, прекрасная маркиза» – глупо. Поддаваться минорным настроениям и пребывать в унынии – тоже не выход.

Горькие нотки порой мы слышим в стихах автора, например, в стихотворении «В моём саду» 2001 года читаем: «Вон у соседа – полон дом огней: / Растёт семья соседская на зависть. / А я сижу под яблоней своей, / Щекой листвы серебряной касаясь». Грустно звучат эти строки, как будто впереди у лирического героя ничего нет, и всё, что могло случиться в его жизни – уже случилось. А кто и что рядом с ним? Увы, рядом... только луна над крышей дома, крапива вокруг, квакающие на болоте лягушки, да одинокий «чай из потемневшей кружки». Но это не так, и слабость нашего героя – минутная, усталость – временная, и грусть преходяща. В самом деле, в стихотворении «Зачем ты опять молчаливый...» читаем:

Живём мы! Вот это диво...
Чего же судьбу корить?
Неправильно и некрасиво
Несчастливым быть.

Сказал – как отрубил, и попробуй не согласишься.

В стихотворении 2007 года его строки звучат не менее жизнеутверждающе:

Ну-ка, ямщик, по обветренным горкам,
По бездорожью гони, удалой!
Жизнь разгорается новым восторгом,
Новым желаньем и новой мечтой.

Какие бравурные строки, скажем мы и будем правы, между тем как стихотворение, откуда они взяты, называется «Бессонница». С чего бы, казалось, такая прыть, если герой мучим бессонницей, и душа его мается, смущённая «непонятной тоской»? И нет ему ни покоя, ни сна в «одиоком залесье». Откуда же взялись оптимизм и бравурность? А это не оптимизм, это чистейший реализм, ясное осознание своего места в жизни, собственного непростого пути и предчувствие новых впечатлений – восторгов, горечи, желаний, радостей, напастей, а может быть, и новой любви, но самое главное – герой способен, может и хочет мечтать.

В стихотворении «Везёлка» 2008 года – похожие по настроению строки: «Так часто бывает – метёт и метёт / Судьбы ледяная позёмка... / Я верю – когда-нибудь мне повезёт...» И наверное, потому их автор живёт ярко и, надо заметить, торопится жить, потому что ему хочется многое успеть.

«Птица утомлённая»... Земной опыт незрелой души

Можно ли делать какие-либо выводы о творчестве А. С. Ананичева, хотя бы промежуточные? Конечно, можно. Перед нами поэт со своим лицом, индивидуальными поисками – содержательными, формальными, художественными. Говорить о сбоях в его лирике нет желания, да их, полагаю руку на сердце, очень немного. Ну была неожиданная смена размера в стихотворении «Крестоносец», да и то сказать – написано оно в 1997 году (к тому же: а вдруг это стилистическая задумка?). Ну попадают иногда те самые банальные рифмы (а у кого их нет?).

И в конце концов, любой поэт вправе использовать вполне обычные, даже затёртые рифмы, главное – наполнить их содержанием. Талантливый поэт умеет придать им свежесть звучания, и тогда их простота и обыденность попросту не замечаются. Что ещё? В стихотворении «Голубая кровь» вновь встретилась тяжеловесная инверсия «Устала в распрях Русь ненужных». Разумеется, подобного нужно избегать. Но это всё мелочи, почти не замечаемые и не могущие испортить того впечатления, что оказывают стихи А. С. Ананичева.

В его стихах видно знание жизни и разносторонний опыт. Кажется, ему интересно и любопытно всё – история, путешествия, многообразие людских лиц, непохожесть характеров, экзотика дальних стран. Иногда после прочтения остаётся некая недосказанность, как после стихотворения «Царь и мудрец», и хочется продолжения. Иногда хочется сказать: это стихи интеллектуала. Да это так и есть. И добавим: стихи бывалого человека. Удивительно, как много успел увидеть поэт, как много он путешествовал (Австрия, Америка, Индия, Китай, не говоря о республиках бывшего Союза ССР). В одном из стихотворений он так и называет самого себя – «бывалый человек». Но сквозь эту многоцветную, яркую, разнообразную палитру стран и городов словно пробивается свет его души. Какова она? Чувственная и одинокая, любящая и пытливая, трепетная и ранимая, внимательная и неудовлетворённая, мужественная и нежная...

Да, по мере чтения всё чаще отмечали мы хорошие стихи, удачные строфы, удивительные образы, и рост поэта был виден всё более отчётливо. Тем не менее делать окончательные выводы о поэзии А. С. Ананичева рано. Почему? Наверное, потому, что он ещё находится в поиске. И хотя он прекрасно знает свою колею (он её нашёл давно), заключительные строфы ещё им не сказаны, это – во-первых. И даже не в силу возраста, а по причине наполненности его души, что породит ещё множество ярких и талантливых стихов.

Но самое главное, как нам думается, его душа всё ещё не нашла себе прибежища, успокоения, тихую гавань, где могла бы восполнять свои силы, восстанавливаться, воскресать от постоянных потерь, слишком частых в его жизни. Отсюда и надрыв, надсада, острый драматизм. И тут мы подходим к очень интересной особенности лирического взгляда поэта на мир – странному сочетанию опытности и незрелости. Как это возможно? Видимо, возможно, существует же в жизни сочетание несочетаемого, а в литературе известен оскюморон. Опытность человека вполне может сосуществовать с юным и незрелым духом. Говорил же когда-то о себе Б. Л. Пастернак: «Мне – четырнадцать лет».

Мы сказали, что поэзии Александра Ананичева присущ острый драматизм, а ведь это всегда свидетельство (прошу прощения) незрелой души, находящейся ещё в своём становлении. Это не плохо и не хорошо, такова данность. Десятки раз я уже говорила об этом и скажу ещё: зрелая душа спокойна и радостна, а мятежность – свидетельство её незрелости и роста. Вот он пишет:

Ярится душа, как морская волна,
Далёкого берега ищет она –
О скалы разбиться однажды...

Так и хочется воскликнуть: зачем же, друг мой, разбиваться о скалы? Надо жить и радоваться – этим скалам, своей колее, природе, солнцу, птицам, любимым людям, друзьям, самой жизни.

И в стихах о любви мы наблюдаем драматизм: «Если любишь, должен быть готовым / Денно, ночью к вывертам судьбы». Может быть, надо быть готовым не к вывертам, а к счастью? Зачем от неразделённой любви лететь на камни «птицей утомлённой»? Может быть, надо просто взмыть вверх над всеми тяготами, набравшись сил? Почему, желая любви, он видит «на закат повернувшее лето»?

Да, драматизм присущ поэту Александру Ананичеву, и всё же он поднимается над собственным мятежом, напряжённостью ситуаций и сложностью обстоятельств; он ищет выход. А как же иначе?

Но где же выводы, спросит читатель? Что ж, подведём некоторые итоги. Александр Ананичев – хороший исполнитель своих стихов под собственный аккомпанемент, но он – не бард, что лично для меня важно, так как стихотворный текст у него доминирует. Он – поэт.

Характер его лирики многолик: ему близки как гражданственные мотивы, так и стихи о любви; русская тема прекрасно сочетается у него с темой поэта и поэзии; женские образы в восприятии А. С. Ананичева восходят к традиционному идеалу, как женской красоты, так и женского назначения, с незапамятных пор сложившемуся в славянской культуре.

Общий характер лирики А. С. Ананичева драматичен, но не фатально и, несмотря на остроту и напряжённость в переживаниях лирического героя, вектор его устремлений позитивен, а себя самого он видит словно «пропитанным маем», энергией солнца и любви, добра и творчества.